

Оглавление

НАЦИОНАЛИЗМ И САМОСОЗНАНИЕ	9
ХАРАКТЕР	22
СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ	33
ПОВЕДЕНИЕ И МАНЕРЫ	41
ОТДЫХ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ	56
ОДЕРЖИМОСТЬ	62
ЧУВСТВО ЮМОРА	68
КУЛЬТУРА	74
БЕСЕДА И ЖЕСТЫ	84
ЕДА И НАПИТКИ	88
ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ	95
ЗДОРОВЬЕ И ГИГИЕНА	101
СИСТЕМЫ	109
ПРАВИТЕЛЬСТВО	118
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ	122
БИЗНЕС	126
ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ	131
Об авторах	136

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Население объединенной Германии составляет 81 млн человек; для сравнения: датчан — 5 млн; австрийцев — 8 млн, швейцарцев — 8 млн, чехов — 10 млн, бельгийцев — 11 млн, голландцев — 16 млн, поляков — 38 млн, британцев — 64 млн, французов — 66 млн и 321 млн американцев.

Германия по площади почти втрое больше Великобритании и примерно в полтора раза меньше Франции.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

НАЦИОНАЛИЗМ И САМОСОЗНАНИЕ

Предостережение

Современных потомков тевтонцев нередко сравнивают с человекоподобными монстрами с лязгающими голосами и лающей речью, однако признают безусловное превосходство их автопрома и футбольных команд.

Трудно поверить, что за этим грозным и не слишком привлекательным фасадом кроется народ, терзаемый раскаянием за свое прошлое, сомнениями в своем сегодняшнем предназначении и неуверенностью в завтрашнем дне. Спасение немцы ищут, с одной стороны, в порядке и системе, то есть в государстве и Федеральном банке (Bundesbank), с другой — уповают на веру, психоанализ и духовность.

Кому-то эти терзания могут показаться смешными, но насмешки чреватые. Чувство юмора — не самая сильная сторона немецкой природы, юмор, по их мнению, особая категория, требующая вдумчивого и серьезного подхода. Они убеждены, что жизнь, как медаль, имеет две стороны: публичную, которую можно выставлять напоказ, и личную, в которую посторонние не допускаются. К публичной относится работа, политика, бизнес, к личной — семья, друзья, увлечения и отдых. Что уместно в одной, недопустимо в другой. На людях — благопристойность и политес, а как дома — никого не касается.

Немец в отпуске ассоциируется с пивом и колбасками, а поскольку отдыхать немцы предпочитают за границей, репутация у них сложилась незавидная. Впрочем, ее однобокость всем очевидна, отпуск людям выпадает нечасто и ненадолго. Профессиональная компетентность немцев сомнений ни у кого не вызывает.

Сегодня, когда единая Германия стала свершившимся фактом, люди даже очень широких взглядов опасаются за свое будущее. Не то чтобы их пугает внешний мир, просто они боятся произвести на него плохое впечатление. Не слишком ли мы высокомерны? Не дает ли сбои наша толерантность? Не встали ли мы на скользкий путь возврата к страшному прошлому? Нет ответов, но немцы, эти европейские невротики, их упорно ищут. К слову сказать, их экономика напрямую зависит от внешних рынков сбыта.

Из уроков, преподанных им историей, немцы накрепко усвоили, что вне содружества народов будущее не существует. Они как никто ясно осознают необходимость мирного существования. Толерантность не добродетель, она долг и обязанность.

Какими их видят другие

У других народов немцы вызывают крайне противоречивые чувства, от восхищения до ужаса. Рациональность, хладнокровие,

самовлюбленность, высокомерие, властность и деспотизм — это лишь немногие из приписываемых им качеств, кстати, как нельзя лучше подходящих для финансистов и промышленников.

Англичанам импонирует немецкая деловитость и педантичность, им кажется, что немцы им ближе остальных европейцев. Это наивное заблуждение обусловлено тем обстоятельством, что немцы нередко владели британской короной или занимали высокое положение при дворе.

Возьмем самый очевидный пример: британская нация и ее национальное самосознание формировались в период римских завоеваний, Германия же стала единым государством лишь в 1870 г. благодаря «железному канцлеру» Отто Бисмарку. Для немцев огромную роль играет «приверженность малой родине», наиболее ревностная в этом отношении Швабия.

Французы относятся к бошам (презрительное прозвище немцев во Франции)

с настороженностью и легким отвращением и предпочитают держаться от них подальше. Итальянцы уважают немцев за умение делать дела не прибегая к взяткам, но в душе считают их неотесанными мужланами.

Для австрийцев хороший немец тот, который находится от них на другом краю земли, в идеале — по ту сторону Атлантики. От сродства Вены и Берлина им при всем желании не отпереться, что не мешает на дух не выносить баварцев, своих ближайших соседей.

Швейцарцы считают, что в целом немцы идут правильным путем, но им немного не хватает добросовестности (заметим, что в Швейцарии вас оштрафуют, если вы выбросили мусор в контейнер, не соответствующий вашему мусору по цвету, а в Германии — если вы решите пренебречь контейнером как таковым).

Какими они видят других

Немцы благоговеют перед англичанами и страдают от неразделенности своего чувства.

Англия во все времена служила для них непререкаемым авторитетом, примером политического и социального устройства, образцом в промышленных и технологических достижениях. В глазах немцев англичане милейшие люди. Почти как сами немцы.

В американцах подкупает беспечный прагматизм и раздражает поверхностное отношение к жизни. Соединенные Штаты для немцев что-то вроде директора школы наций и народов, а директора полагается если не любить, то как минимум уважать.

Немцы верят в авторитеты. «Кто умеет подчиняться, тот сумеет подчинять».

С итальянцами у немцев полное взаимопонимание, ведь их истории тесно переплетаются. Они зачатые друзья, их отношения скреплены войнами, вторжениями и прочими формами завоевательного туризма. Немцам нравится итальянское искусство, кухня и пляжи. Обе страны обрели государственность в XIX веке, и обе до сих пор сомневаются, что игра стоила свеч.

Немцев восхищает изысканность французской цивилизации, что не мешает им с пренебрежением отзываться о некотором плебействе самих французов. Слишком уж они легкомысленные, слишком беспечные и веселые, куда им до немецкой духовности. Но все же немцев можно уверенно причислять к франкофилам, особенно живущих в районах, пограничных с Францией.

Когда немцы выбирают место, куда бы поехать в отпуск, они напоминают детей, запертых за высоким забором, которые выискивают в этом заборе дырочку, чтобы разглядеть средиземноморские страны. Немцы не скрывают зависти к внутренней раскрепощенности жителей побережья, их свободе отношений, культурному наследию, теплему климату.

Единственная нация, за которой немцы признают безоговорочное превосходство над собой, — шведы. Их пунктуальность, дотошность, аккуратность и педантичность не подлежат сомнению. Кстати, немцы никогда не воевали со шведами.

Какими они видят себя

Немцы считают себя людьми скромными и неприхотливыми. Дайте немцу пиво с колбаской (Wurst), место, где можно уютно посидеть, и собеседника (желательно соотечественника), с которым можно поговорить о политике или побрюзжать за жизнь, и время для обоих пролетит незаметно.

Немцы не жадны, не ищут дармовщины, исправно платят налоги. Простой, честный народ (Volk).

Немцы — мечтатели и романтики, но без этой средиземноморской приторности и пошлости. Они чистые романтики.

В каждом немце живет частица Бетховена, парящего над лесами, оплакивающего закат солнца в горах, преодолевающего удары судьбы в стремлении выразить невыразимое.

Великая немецкая душа заявляет о себе везде, где речь заходит об искусстве, чувствах и истине. Немцы убеждены, что именно они положили начало романтизму как направлению. Так это или нет, можно поспорить,

но именно они наполнили романтизм философским содержанием.

К своим достоинствам немцы относят добросовестность, скрупулезность, исполнительность и надежность и всестороннюю образованность. Здесь хочется сделать маленькое уточнение: они не то чтобы знают все обо всем. Но если уж взялись что-то изучать, то их доскональности можно только позавидовать.

Особые отношения

До 1990 г. Западная Германия была одержима идеей воссоединения со своей восточной половиной. Разве можно, вопрошали они, чувствовать себя единым целым, когда великий немецкий дух (Geist) расколот бетонной стеной? Все признавали, что объединение есть историческая необходимость. Но как его достичь, если люди одержимы жаждой потребления, пусть даже их иногда и посещают смутные сомнения о невозможности нормального существования в обществе, лишенном каких

бы то ни было идеологических обязательств. Западным немцам объединение двух Германий лишь прибавило вопросов. И усугубило сомнения в целесообразности этого объединения.

Весси (б. западные немцы) считают осси (б. восточные немцы) бездельниками и стукачами.

Осси считают весси циниками и лжецами. И так было всегда.

Воссоединение дается немцам непросто, к тому же одна из сторон (выражаясь казенным языком) по-прежнему требует очень серьезных вложений: многое из того, что она имела, себя изжило или у него истек срок годности, а с тем, что есть, непонятно, что делать. Чтобы как-то урегулировать положение, весси создали в бывшей ГДР так называемый тройханд (Treuhand), фонд по опеке над государственным имуществом, который быстро превратился в крупнейший в мире холдинг, контролирующий 9000 компаний, около 2 млн гектаров земельных и 2 млн гектаров лесных

угодий. Тройханд должен был приватизировать все, что подлежало приватизации, и закрыть остальное.

Неудивительно, что его деятельность не вызвала у осси никакого восторга, их национальное достояние распродавалось по бросовым ценам, а сами они становились гражданами второго сорта. Осси и весси относятся друг к другу со стойкой неприязнью, и те и другие все чаще задаются вопросом, так ли уж необходимо было воссоединение, в самом ли деле стена служила опорой великого немецкого духа (Geist), или все это лишь игры неумных политиков?

Спустя два десятилетия блеск идеи объединения изрядно померк. Весси считают Восточную Германию прожорливой бездной, куда утекают их кровные денежки, а осси с тоской предчувствуют, что клеймо второсортности им придется носить пожизненно.

Все эти перемены ввергли немцев в тяжелое тревожное уныние, побудив к серьезной переоценке ценностей и спешному приобщению

к идеалам ЕС, что в свою очередь ведет к стабилизации обстановки в стране. В глубине души многие сожалеют, что позволили себя втянуть в подобную авантюру, и ностальгируют по прошлому, когда жизнь казалась такой простой и понятной и было ясно, кто свои, а кто чужие.

Какими они хотят казаться

Немцы ищут понимания и любви, упиваясь при этом тщетностью своих исканий. Кто, кроме них самих, может понять и оценить тонкую душевную организацию этого народа? Кто, кроме самих немцев, способен понять их душевные метания, их, бери выше, смятение духа, их жажду самопознания?

Немцы хотят, чтобы мир уважал их за честность и принципиальность, и каждый раз удивляются, когда их обвиняют в бестактности. Немцы считают своим долгом указывать другим на их промахи и заблуждения. Они ни за что не поздравят с обновкой соседа, купившего рубашку кричащей кислотной

расцветки, а скорее всего еще и пожурят за дурновкусие, ведь истина превыше уязвленных чувств каких-то людишек. Людишки же, особенно иностранцы, отнюдь не разделяют этой уверенности.

Бесконечное самокопание вкупе с самолюбленностью говорит об инфантильности. Бессмысленно пенять немцам на грубость и бестактность. Они убеждены, что всех просто раздражает их принципиальность. Если вы хотите общаться с немцами, это нужно принять как данность. У каждого уважающего себя немца на лице написана вселенская скорбь (Weltschmerz), а в душе он гордится своей непонятостью.

ХАРАКТЕР

Как важно быть серьезным

Преувеличенная серьезность, с какой немцы относятся к жизни (Ernsthaft), отдает патологией. На окраине Берлина даже удачная шутка не повод для улыбки, на все хихоньки лучше заранее запастись письменным разрешением.

Немцы не любят неожиданностей, даже приятных, никаких сюрпризов, любая случайность должна быть хорошо подготовлена. В немецком языке отсутствует такое понятие, как серендипити, поскольку его никак не назовешь серьезным. (В русском языке тоже нет «компактного» аналога. Это способность совершать неожиданные открытия, делая выводы из случайных наблюдений; умение радоваться жизни не только в глобальном смысле, но и по мелочам. Впервые слово «серендипити» всплыло

28 января 1754 г. в частном письме английского писателя Хораса Уолпола. Он определил его как «очень выразительное слово, характеризующее открытие, совершенное без преднамеренных действий». — *Прим ред.*) Понятие «озарение» идет вразрез с бытующими установками, блестящие идеи никак не могут возникнуть спонтанно и высказываться профанами без соответствующей квалификации. Немцы предпочтут отказаться от толкового изобретения, нежели признают, что творчество во многом стихийный и неуправляемый процесс. Степенность и постепенность — вот главные слова.

Жизнь — штука серьезная, значит, к ней должны быть правила и инструкции. По Шиллеру, «покорность есть первейший долг», и никому из немцев не придет в голову в этом усомниться, такие сомнения несовместимы с представлениями о долге и порядке. Нарушать правила, даже самые дурацкие, нельзя, короче, все, что не разрешено, — запрещено. Если курить или ходить по газону разрешено, вы узнаете, прочитав специальную табличку.

Что касается работы, то здравомыслие и рассудительность всегда удержат вас от резких движений, как то бросить карьеру бухгалтера или программиста и податься в фермеры или заняться ароматерапией. Подобные вольности могут себе позволить только легкомысленные и ненадежные личности.

Порядок

Немцы гордятся своей работоспособностью, организованностью, дисциплиной, аккуратностью и пунктуальностью. Из этого складывается их обожаемый *Ordnung*, который вмещает в себя не только аккуратность и чистоплотность, но и корректность, и пристойность, и пригодность и множество других замечательных достоинств. Фраза «alles in Ordnung» («все в порядке») — бальзам для немецкого уха, все идет так, как должно быть. Категорический императив, который чтит каждый немец, звучит так: «Ordnung muss sein», что означает: «Порядок превыше всего».

Немцы — прирожденные трудяги. Неисправность в купленном полгода назад автомобиле или стиральной машине — не просто недоразумение, это крах и попрание основ, нарушение общественного договора. За границей немцы во все глаза таращатся на обшарпанные дома, неубранные улицы, грязные машины. Томясь в ожидании поезда в лондонском метро, они бурно недоумевают, почему англичане мирятся с подобным положением дел, вместо того чтобы, например, провести генеральную уборку города. Хотя что с них взять, у них даже язык чуть ли не весь из исключений состоит, и фанаты галдят по-птичьи, выкрикивая имена кумиров, а названия городов толком и не выговоришь.

Сами немцы, разумеется, знают, как надо. Слова могут быть длинными, звуки гортанными, зато никаких проблем с произношением, как слышишь, так и пишешь. Улицы чистые, дома свежескрашенные, мусор на месте — в мусорных баках. Полный ордунг.

Разложить все по полочкам

Услышав слова «лучшее — враг хорошего» или «не тронь, пока работает», немец решит, что сказавший их либо иностранный турист, либо не в своем уме.

К любому делу нужно хорошенько подготовиться: хорошее отделить от плохого, нужное от лишнего. Мое — это мое, твое — твое, публичное разместить подальше от личного, зерна отделить от плевел, а истинное — от фальши. Выработать четкие определения для слов мужского и женского рода (хотя в немецком языке слово «немцы» среднего рода), и т. д. и т. п.

И вот когда все, что можно разложить по местам, будет разложено, можно с чистой совестью сказать, что все в порядке, Ordnung. Это и есть знаменитый «категорический императив» Канта, созданный им, видимо, для упорядочения мирового хаоса.

Кант совершил то, на что до него никто даже не решался замахнуться, он рассортировал

и систематизировал все, до чего смог дотянуться. Его страсть разделять все на группы и подгруппы доводила окружающих до бешенства. Каждый том его библиотеки выделялся в особый раздел и хранился отдельно, чтобы ни одна случайная книга не нарушила эту продуманную систему.

Современные немцы не такие экстремалы, но лишь потому, что любые крайности вызывают подозрение в «нормальности», а никому не хочется, чтобы его считали психом или фанатиком.

Земля страха

Неудивительно, что в том райском саду, который зовется Германией, завелся червячок сомнения. Оно денно и ночью раздрает немцев по поводу и без, вот они и стараются всеми силами не рухнуть в пучину безумия и хаоса. Другие бы на их месте отмахнулись и завернули в ближайший кабачок залить свои страхи кружкой доброго пива и дружеской беседой. Трогательная вера британцев в то, что «утро

вечера мудренее» или «все перемелется», не для немцев.

Напротив, немцы убеждены, что сомнения и тревога тем сильнее, чем больше о них думаешь. Они искренне недоумевают, почему мир до сих пор не провалился в тартарары, и убеждены, что это случится в самом ближайшем будущем.

Германия — земля страха (Angst).

Отсюда апатия, вялость и нежелание что-либо предпринимать. Какой-то заезжий турист в XIX веке заметил: «Они во всем находят препоны и препятствия. Вы сто раз услышите “Это невозможно...”». Когда требуется начать действовать, немцы теряются и впадают в ступор.

Немцы за собой эту особенность признают, но объясняют ее тонкой душевной организацией и высокоразвитым интеллектом. Даже к концу света надо подготовиться, поэтому они бесконечно что-то упорядочивают, регулируют, контролируют, следят, страхуют, проверяют и документируют. Чем выше

интеллект, тем отчетливее осознаешь, как страшно жить.

Жизнь — пляж

В погоне за укромным безопасным уголком для вожделенного отдыха немцы бесцеремонно лезут напролом, чтобы в прямом смысле слова успеть подмять под себя клочок пляжа.

Даже если вы придете на пляж с первыми лучами солнца, то все равно обнаружите, что какой-нибудь самый прыткий немец вас опередил. Факт, не поддающийся объяснению, если учесть, что немцы полуночничают в барах и тавернах и не отказывают себе в горячительных напитках.

Заняв береговой плацдарм, отпускники-оккупанты окапываются и воздвигают укрепления — повсюду высятся гигантские песчаные замки-крепости с резными башенками, флагами, украшенные ракушками и выброшенными на берег морскими звездами.

Мой топчан — моя крепость: загорать стихийные строители предпочитают внутри своих

творений. Пройти мимо песчаных шедевров затруднительно, они лепятся буквально впритык друг к другу. Прочим курортникам приходится уютиться на голых камнях — пляжный песок порой чуть ли не весь уходит на песчаные замки.

Мечтатели

Мелкие неурядицы и крупные фиаско толкают в мир грез, поэтому от невыносимой сложности бытия немцы эскапируют в метафизику. Если англичанина ассоциируют с Джоном Булем, американца с Дядюшкой Сэмом, то немцу достался Михель-простак (от покровителя Германии святого Михаила), которого традиционно изображают в ночном колпаке, неизменном атрибуте добропорядочного бюргера.

Поэт Генрих Гейне воспел эту черту немцев в «Зимней сказке»:

*Французам и русским досталась земля,
Британец владеет морем,
Зато в воздушном царстве грез
Мы с кем угодно поспорим.*

(Перевод В. Левика)

Кого-то может ввести в заблуждение такая тяга к уходу от действительности, поиск божественного откровения, немцев нередко считают людьми непрактичными, чуть ли не недотепами. Гёте печально констатировал: «Пока немцы бьются над философскими проблемами, практичные британцы смеются над нами и завоевывают мир».

Однако не обольщайтесь, читатель!

Идеал

«Идеальных людей нет, но мы работаем над этим», — оптимистично заметил генерал-фельдмаршал барон фон Рихтхофен. Стремление к совершенству — главная черта немецкого характера. Благодаря ей расцвел немецкий автопром, но на вечеринках эта черта как минимум неуместна, если не сказать больше. И тут бесполезно искать компромисс и спорить, хорошо это или плохо. Строго говоря, немцам нужен только идеал.

Он, идеал, безусловно, существует, но только на небесах. На земле в лучшем случае

мы можем увидеть лишь его жалкое подобие (но поскольку идеал не может быть жалким, то на земле его, скорее всего, и вовсе нет). Грек Платон мыслил как истинный ариец.

Неудивительно, что большинству немцев идеи ближе, чем люди. Как писал Гёте, «опыт пишет пародию на идею». Идеи всегда прекрасны и никогда вас не подводят; люди непредсказуемы и ненадежны. Конфликт между идеями и реальностью неизбежен, и немцы уже с этим смирились. Он придает жизни привкус трагизма.

В основе немецкой литературы и германской мифологии лежит тот же конфликт. Герои погибают, потому что, храня верность своим идеалам, они хотят переделать мир и собственную природу. Скорбеть по этой данности — очень по-немецки. Выбирать меньшее из зол и философски относиться к превратностям судьбы — не их путь.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Немцы высоко ценят образованность (Bildung), подразумевая под ней образование и общую культуру. Демонстрация своей начитанности и знаний не считается похвалой. Это вклад в культурную жизнь нации и законная гордость.

Если вы помалкиваете о своих знаниях и дипломах, то никто вас не похвалит за скромность, а напротив, признают невеждой. «Корочками» у немцев принято гордиться.

С необычайным трепетом в Германии относятся и к своему культурному наследию! Взять, скажем, англичан, они непременно и с удовольствием приобщатся на досуге к культуре, сходят в музей или театр, но читать Шекспира или Сэмюэла Джонсона просто так? Это вряд ли. У немцев все наоборот. Как, вы не читали «Критику чистого разума» Канта?! И поверьте,

их изумление неподдельно. Сами-то они с упоением читают Гёте, Шиллера и того же Шекспира.

Религия

Лютеранская церковь во многом сформировала взгляды и мировоззрение. Лютеровскому переводу Библии обязан современный немецкий язык. Согласно Лютеру, священный долг немца — послушание, в том числе повиновение мирской власти. У протестантов же нет особого противоречия между материальным благополучием человека на земле и в загробной жизни.

В Германии протестанты составляют относительное большинство (благодаря объединению страны, которое вернуло многих восточногерманских протестантов в лоно церкви). Традиционно север Германии всегда был протестантским, в то время как юг — католическим. Территория, на которой живут католики, почти соответствует территории, завоеванной римлянами 2000 лет тому назад.